

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ: ТРИСТА ЛЕТ ЭВОЛЮЦИИ

Ларин В.Л., Тураев В.А.

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток; e-mail: ihae@eastnet.febras.ru*

Современный мир стоит на распутье. С одной стороны, идет активный процесс глобализации и региональной интеграции. Идет вне зависимости и даже вопреки национальным границам. С другой – во многих точках мира усиливается стремления народов к самоидентификации, растут национализм, межэтническая напряженность. Человечество преодолело пространственный барьер, преодолевает политический, но барьер цивилизационный, этно-культурный остается серьезным препятствием на пути сближения стран, народов и территорий.

Для России, которая в начале XXI в. вновь декларировала свою решимость стать полноправным членом восточноазиатского сообщества, преодоление цивилизационного барьера во взаимоотношениях с азиатским миром является принципиальной задачей. Восточная Азия, отмечал известнейший в регионе политический деятель, бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад, – это понятие не столько географическое, сколько культурное. «Для того, чтобы быть восточноазиатским народом, недостаточно находиться в правильном месте. Надо еще быть восточноазиатцами по культуре. А культуры Восточной Азии очень сильно отличаются от культур Запада» - говорил этот активный проповедник идеи восточноазиатского регионализма (Dr. Mahathir, 1992).

Ясно, что для полноценного участия в восточноазиатских делах от России требуется существенное расширение этнокультурного взаимодействия в регионе. Насколько готова Россия и особенно дальневосточники к такому повороту событий? Как свидетельствуют опросы общественного мнения, многих наших соотечественников откровенно пугает такая перспектива. Их представления о своих соседях очень поверхностны и не всегда верны. Они оценивают их по своим, европеизированным параметрам, но в координатах Востока и Запада добро и зло совпадают далеко не всегда. Качества, которые россияне приписывают себе и своим азиатским соседям, кардинально отличаются. Подогреваемые средствами массовой информации и недобросовестными политиками, разнообразные фобии могут стать серьезным тормозом интеграционных процессов. Достаточно упомянуть постоянно присутствующий в умах славянского населения и бюрократии России синдром «желтой опасности», который активно влияет на ее взаимоотношения с соседями, как на региональном, так и на межгосударственном уровнях.

История тесных взаимоотношений России с крупными восточноазиатскими цивилизациями насчитывает всего лишь полтора столетия, чего явно недостаточно для преодоления глубокой ментальной пропасти, лежащей между ними. Однако восточные регионы России с древнейших времен являлись ареной широких культурных и межцивилизационных контактов, а опыт взаимодействия России с аборигенными – азиатскими – народами Сибири и Дальнего Востока насчитывает уже не одну сотню лет.

Приход русских на Дальний Восток реально положил начало территориальному сближению Европы и Восточной Азии, пересечению двух столь различных культурных пространств, явлению исключительно сложному и противоречивому. Отмечавшееся в 1999 г. 300-летие вхождения в состав России Камчатки, как в свое время и 500-летие открытие Колумбом Америки, вызвало неоднозначные оценки. В зависимости от политических пристрастий или этнической ангажированности можно по-разному оценивать эти три сотни лет. Но в любом случае их невозможно игнорировать, ибо это 300 лет совместной истории, которая кардинальным образом изменила не только образ жизни народов, их культуру, менталитет, но и само наше государство.

Заметный вклад в изучение этих процессов внесла Камчатская экспедиция Рябушинского, в составе которой работал этнологический отряд во главе с В.И. Иохельсоном. В ходе исследований было установлено наличие широких этнокультурных контактов древнего населения Камчатки с эскимосами, алеутами, айнами, японцами, индейскими племенами Америки в дорусский период их истории (Arheological..., 1928). Северо-восток Азии представлял тогда оживленный перекресток культур, своеобразный плавильный котел, в горниле которого рождались современные народы по разные стороны Тихого океана.

Можно выделить, по крайней мере, два крупнейших исторических последствия трехсотлетнего взаимодействия России с восточноазиатским миром. Первое состоит в том, что Сибирь, Дальний Восток не только превратили Россию из периферийного европейского государства в великую державу, но и во многом определили весь строй русской государственной жизни. Именно восточные регионы России в период многочисленных внутренних смут и военных конфликтов с западными соседями удерживали в равновесии вначале Московское царство, затем Российскую империю, а в недалеком прошлом и Советское государство. В этом отношении глубоко был прав Вс. Иванов (русский историк-эмигрант), когда писал, что «Восток стал носителем спокойной русской государственности» (Иванов, 2002). В ХУП – ХУІІІ веках Сибирь и Дальний Восток активно втягивали в себя «несогласный элемент», грозивший государству политическими катаклизмами. На рубеже ХІХ-ХХ веков они стали «социальным клапаном» в перегретом котле крестьянских волнений центральной России, во второй половине ХХ в. сыграли важную роль в решении проблемы «конфликта поколений». Массовое движение молодежи на стройки Сибири и Дальнего Востока открывало широкие возможности для ее карьерного роста и тем самым способствовало политической стабильности в государстве, оттягивало кризис советской системы (Алексеев и др., 2004).

Второй исторический результат – формирование на востоке страны особого ментально-географического пространства, особой региональной идентичности, которая всегда удивляла жителей «коренной» европейской России. Показательно в этом отношении восприятие Дальнего Востока А.П. Чеховым в конце ХІХ в.: «Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-нибудь в Патагонии или Техасе; мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам и мы, приезжие из России, кажемся им иностранцами» (Чехов, 1980).

Психологическое и культурное своеобразие сибиряков и дальневосточников откровенно пугало правительственных чиновников. Существовало опасение, что, попав под влияние «инородцев» и иностранцев, русские люди потеряют национальные черты, поддадутся чужому влиянию, утратят чувство верноподданности. Реальной казалась опасность сибирского и дальневосточного сепаратизма по образцу европейских колоний в Северной Америке.

Подобные настроения особенно усилились во второй половине ХІХ в., когда на российском Дальнем Востоке появились представители восточно-азиатских цивилизаций – китайцы, корейцы, японцы. Эмиграция сыграла огромную роль в размывании этнокультурных барьеров. Русские в Китае, китайцы и корейцы в России способствовали обмену трудовым опытом, культурными достижениями, сближению народов наших стран. Взаимодействие русских переселенцев с носителями этих культур имело важное значение для подъема экономической жизни Дальнего Востока.

Отношение к китайским и корейским эмигрантам со стороны русской администрации было различным. Уполномоченный Российского министерства иностранных дел В.В. Граве считал корейцев «несомненно полезным элементом». «Оседание корейцев и связанное с ним приведение в культурный вид глухих мест в тайге, - писал он, - кроме пользы ничего принести не может» (Граве, 1912). Совершенно других взглядов придерживался генерал-губернатор Приамурья П.Ф. Унтербергер: «Я предпочитаю пустыню, но русскую, чем край возделанный, но корейский» (Аносов, 1928). Очень не хотелось бы, чтобы по-

добная точка зрения, а она, увы, существует и сегодня, возобладала в новых исторических условиях.

Трехсотлетнее присутствие русского человека на Дальнем Востоке показывает несостоятельность многих опасений, бытовавших во власти и обществе в разные годы. Действительно, в ходе хождения «встреч солнца» русский человек заметно изменился в своих мыслях и предпочтениях, но не перестал быть русским. При всех изменениях, по словам Г.В. Вернадского, «русская народность и русская культура, постоянно видоизменяясь, сохраняла все-таки свои основные черты» (Вернадский, 1914). Любопытно, что и сегодня, после разрушительного десятилетия «рыночных реформ», когда Дальний Восток в головах многих московских чиновников стал восприниматься не иначе как камень на шее государства, коренные дальневосточники выступают большими патриотами России и русского, чем многие их соотечественники в европейской части страны. Об этом свидетельствуют социологические опросы.

Другая составляющая проблемы этнокультурного взаимодействия в регионе – историческая судьба аборигенных культур в процессе этнокультурных контактов. Мировой исторический опыт свидетельствует, что результаты такого взаимодействия могут быть различны. Возможно уничтожение одной культуры другой. Более распространенным результатом является не гибель одной из взаимодействующих культур, а ее вытеснение на периферию новой цивилизации, переход в некое маргинальное состояние. Так часто происходит, когда сталкиваются более простые цивилизации с более сложными, местные аборигенные культуры с пришлыми высокоразвитыми. И, наконец, еще один вариант, когда в ходе контактов культур рождается нечто новое. Классический пример такого взаимодействия – рождение современных латиноамериканских цивилизаций, сложившихся в результате длительных контактов европейцев с местными индейскими племенами. Именно по такому пути и шло долгое время этнокультурное взаимодействие на Дальнем Востоке.

Этнокультурное взаимодействие русских жителей региона с их новыми соседями-аборигенами в силу разного уровня их развития носило асимметричный характер, но в роли донора и реципиента выступали и те и другие. Природная среда не могла не породить однотипность трудовой деятельности аборигенов и новопоселенцев, сформировать общую культуру жизнеобеспечения. Это в свою очередь облегчало контакты. Результатом взаимодействия русского и аборигенного населения на Северо-востоке к началу XX в. стало причудливое переплетение субкультур. Аборигенная цивилизация не исчезла, она лишь потеснилась, освобождая жизненное пространство для других культур, которые походили на русскую в столь же малой степени, сколь на аборигенную. Яркими представителями этих субцивилизаций стали хорошо известные этнографам камчадалы, марковцы, русскоустыинцы, другие локальные группы.

Все это, разумеется, не означает, что процесс взаимодействия был простым и безболезненным. Первая, совершенно естественная на начальном этапе взаимодействия реакция – отрицание. Люди не вникают в существо нового мира, не ищут в нем привлекательные черты. Его отмечают безоговорочно только потому, что он чужой. На этом этапе взаимодействие двух миров, двух культур характеризуется жестким противостоянием. Так происходило во всем мире, и Россия здесь не исключение. Сибирь и Дальний Восток были завоеваны в огне локальных войн, восстаний, мелких стычек.

Безусловно, степень этого неприятия может быть разной. Она обусловлена, как правило, разностью культурного потенциала контактирующих этносов. Именно этим, на наш взгляд, и объясняется сравнительно недолгий и менее жесткий, чем, скажем, в США, период противостояния (на Камчатке это первые сорок лет ХУШ в.). В ментальности русских, волей судьбы заброшенных в самую гущу дальневосточных народов, при всей непохожести их культур, было гораздо больше точек соприкосновения с их новыми соседями, чем это можно предполагать. В силу этого взаимодействие на первом, самом сложном его этапе было менее болезненным для тех и других.

Коренные народы Дальнего Востока с первых дней их вхождения в состав российского государства рассматривались как подданные государства. В этом принципиальное отличие российской политики по отношению к аборигенам от аналогичной политики США, где индейцы не считались гражданами государства. Цивилизаторская миссия российского правительства по отношению к аборигенам Дальнего Востока преследовала их социально-культурную инкорпорацию в состав России. Она проявлялась в двух основных тенденциях: окрестьянивание аборигенов (перевод их на оседлость, привлечение к земледелию) и их обрусение, основным инструментом которого была христианизация. Ни в том, ни в другом случае особых успехов достигнуто не было. Православие, насильно навязанное и воспринятое чисто формально, не превратилось в социокультурный процесс, в рамках которого только и возможна культурная интеграция. Не состоялась на Дальнем Востоке и земледельческая колонизация. Попытки правительства переселить сюда крестьян не имели успеха до тех пор, пока к России не отошел более благоприятный в земледельческом отношении Приамурский край.

Правительство, безусловно, может влиять на процесс взаимодействия культур, но возможности его в этом, как правило, достаточно ограничены. Есть немало аспектов, перед которыми бессильны любые властные и идеологические институты. На Дальнем Востоке не было геноцида аборигенов, однако с этой задачей не менее успешно справлялись всевозможные болезни, которых местное население до встречи с европейцами не знало. Достаточно сказать, что только в 1768 г. оспа унесла две трети всего населения Камчатки.

Следствием эпидемий стали миграции и ассимиляция ослабленных болезнями и высокой смертностью этнических групп. Спасаясь от болезней, люди покидали родные места и оказывались в иноэтническом окружении. На этой почве развивались ассимилятивные процессы, рождались новые народы.

Другой важный результат взаимодействия — мисцегенация (физическое смешение). Исторические последствия этого явления весьма примечательны. На российском Дальнем Востоке метисация, не получившая широкого распространения вплоть до 30-х гг. XX в., не затрагивала социальных основ аборигенных обществ. Малочисленность русского населения, его стабильный состав, особенности половой структуры (преобладание мужчин) способствовали тому, что дети в таких браках были желанны и любимы. Они становились связующим звеном между двумя культурами. В условиях изолированности в результате метисации в бассейнах Колымы, Камчатки, Анадыря, где концентрировалось основное русское население, уже к концу ХУШ в. сформировались новые этнокультурные общности. Это уже упоминавшиеся камчадалы, марковцы, колымчане, отличавшиеся не только физическим обликом, но и языком, особенностями духовной и материальной культуры. В целом, генеральной линией государственной политики России по отношению к аборигенам являлась консервация их форм социальной организации, быта и хозяйствования. Из четырех типов этнокультурного взаимодействия, известных в мировой истории (прибавление, убавление, усложнение, обеднение), у аборигенов Дальнего Востока господствующей к началу XX в. стало усложнение – обогащение первоначальной культуры инновациями, ведущими к известной перестройке цивилизационных основ.

Ситуация в корне изменилась после 1917 года. Государством был взят курс на унификацию образа жизни всех народов страны. Социалистическая модернизация, хотя и принесла определенные достижения, оказалась, в конечном счете, разрушительной для коренных народов Дальнего Востока. Насильственный перевод на оседлый образ жизни, индустриальное освоение тайги и тундры без учета интересов и потребностей коренного населения, насильственное включение аборигенов в индустриальную систему, постоянно меняющиеся условия существования породили психологическую напряженность, пьянство, пессимизм и люмпенизацию.

Новая Россия, признав неверную ориентацию советской национальной политики на Севере, к сожалению, не сумела предложить в этом отношении ничего нового. Более того, если советская политика была по-своему логичной и последовательно проводилась в

жизнь, то в настоящее время все ограничивается декларациями о возрождении народов Севера.

Налицо парадоксальная ситуация. В стране наблюдается устойчивый экономический рост, а социально-экономическое положение в национальных поселках ухудшается. Принят ряд законов по важнейшим вопросам жизнедеятельности коренных народов, в том числе о территориях традиционного природопользования, однако, не один из них не работает из-за отсутствия механизмов реализации, больше того, зачастую они подвергаются настоящей ревизии. На традиционных землях аборигенов осуществляются масштабные промышленные проекты, однако, приводят они не к повышению благосостояния коренных народов, а к росту безработицы и снижению качества жизни.

Традиционная экономика этих народов, несмотря на определенные усилия государства и отдельные положительные примеры, никак не хочет вписываться в рыночные отношения. Тревожной является демографическая ситуация, откровенно угрожающей стала проблема алкоголизации коренного населения. Серьезной гуманитарной проблемой является реальная угроза исчезновения аборигенных языков. На Камчатке она наиболее остро стоит для ительменов и алеутов. По существующей классификации ительменский язык относится к категории «смертельно больных языков», язык командорских алеутов можно уже относить к «мертвым языкам»: в 2002 г., согласно переписи населения, на нем говорило 33 человека.

Новый этап этнокультурного взаимодействия в регионе требует осмысленной стратегии в отношении коренных народов. Как показывает опыт последнего десятилетия, концепция *неотрадиционализма*, весьма популярная среди самих аборигенов и ими же положенная в основу своего развития в постсоветский период, оказалась не жизнеспособна. Основанная на идеализации традиционного хозяйственного и социально-культурного уклада, она ведет к изоляции аборигенных общин от современных форм организации общественной жизни.

Тем более не годится концепция *евромодернизма*, известная в советский период как «некапиталистический путь развития», ибо предполагает полную интеграцию коренных народов в современную систему хозяйствования и доминирующую культуру. Следствием такой стратегии является ассимиляция. В современной жизни она приемлема для известной, весьма значительной части аборигенов в городах и крупных многонациональных поселениях, но губительна для жителей небольших национальных поселков, где сохраняются в той или иной степени традиционные системы жизнеобеспечения.

Для эффективного решения проблем малочисленных народов нужна новая стратегия – стратегия *многовариантного саморазвития*. Она предполагает разные подходы, как к отдельным этническим общностям, так и разным социальным группам аборигенного населения. Составными элементами такой стратегии могут быть: синтез традиционного природопользования, натурального хозяйства и рыночных отношений; переход от политики государственного патернализма к *государственному протекционизму* и активному сотрудничеству с народами Севера; привлечение представителей коренных народов к обсуждению и принятию решений, затрагивающих их интересы, через легитимные консультативные органы; институт *соуправления*, в котором органы государственной власти, малочисленные народы, хозяйствующие субъекты разделяют между собой права и обязанности по управлению конкретными территориями и их природными ресурсами; всемерная поддержка со стороны органов государственной власти и местного самоуправления различных форм самоорганизации коренных народов через изменение самой идеологии законодательства в отношении этих народов, через бюджетную и налоговую политику.

На новом этапе межцивилизационного взаимодействия с азиатским миром принципиально важным представляется вопрос: Какой *образ* примет этнокультурное пространство Тихоокеанской России у наших восточных соседей, какое место займет в этом образе *аборигенный компонент*? «Власти тех субъектов федерации, где проживают народы Севера, справедливо замечает по этому поводу директор Института этнологии и ан-

тропологии РАН академик В.А. Тишков, должны представить миру свой образ не как «банкрота, где вымирают аборигены», а как развивающийся и богатый своей историей, природой и культурой край России» (Современное..., 2004).

С этих позиций, думаем, не будет преувеличением сказать, что для имиджа Камчатки национальные ансамбли «Эльвель» и «Мэнго» уже сегодня значат ничуть не меньше, чем ее прекрасные вулканы и рыбные богатства.

Список литературы

Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск-Владивосток, 1928. С. 8.

Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. ХУ1-ХХ вв. М., 2004. С. 551.

Вернадский Г.В. Против солнца: Распространение русского государства к Востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 58.

Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Вып. Х1. СПб., 1912. С. 194.

Иванов Вс.Н. Мы: культурно-исторические основы русского государства // Вестник МГУ. Сер.18. Социальные и политические науки. 2002. № 2. С. 103.

Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. М., 2004. С. 181.

Чехов А.П. Остров Сахалин (из путевых заметок). Южно-Сахалинск, 1980. С. 16.

Arheological Innestigations in Kamchatka byWoldemar Jochelson, published by the Carnegie Institution of Waschingon, August 1928. См. также: Вестник ГО СССР, 1930. № 42. Вып. 3 и 4.

Dr. Mahathir Bin Mohamad speech delivered at the Europe / East Asia Economic Forum, October, 19 92, Hongkong. The Japan Times, 1992. Oct. 26.